

МУЖСКАЯ ВЕРНОСТЬ

СВОЯ ПРАВДА

Повесть

МАРИНА

Ее жизнь была проста и сложна одновременно. Впрочем, как у каждого человека.

Марина Ивановна Гусько родилась в простой русской семье, в городе Баку. Баку — в те далекие советские времена — интернациональный город, объединивший все народы, живущие в мире и братстве.

Жизнь протекала во дворах.

Маленькая Марина играла с соседскими детьми — Хачиком, Соломончиком, Поладом и Давидом. Приходило время обеда, из окон высывались мамы и бабушки и звали детей, каждая со своим акцентом. И все было привычно. Иначе и быть не могло.

Марина любила бегать к морю и залезать с мальчишками на нефтяную вышку, на самый верх. Это было опасно. Дети могли легко сорваться, разбиться, соскользнуть в смерть. Они не осознавали этой опасности. Дети.

Родителям было не до Марины. Она сама формировала и сама заполняла свой день. Набегавшись, возвращалась домой, спала без задних ног. При этом задние ноги были грязные и в цыпках. Однако — детство, начало жизни, ее нежное сияние. Марина любила постоянно орущую мать, постоянно дерущегося брата. Любят ведь не за что-то. Просто любят, и все.

Марина училась на три и четыре. По пению — пять. Она хорошо пела — сильно и чисто. Ее всегда ставили запевалой. Она становилась впереди хора, исполняла запев. А хор подхватывал — припев. Какое это счастье — стоять впереди всех и петь индивидуально...

Марина окончила школу и поступила в педагогический институт. Учитель — это всегда хорошо. Почетно и сытно.

Марина видела своими глазами, как азербайджанские родители таскали учителям корзины с продуктами: домашние куры, фрукты, зелень. Учителя в ответ ставили нужные отметки. Зачем глубинные знания восточным девочкам? После школы выйдут замуж, будут ро-

жать детей. Математика понадобится только для того, чтобы считать деньги на базаре. А русский может не понадобится вообще.

Марина помнила заискивающие лица родителей и учеников. Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе.

Марина хотела властвовать. Так она побеждала комплексы униженного детства.

В студенческие годы у нее было одно платье. Вечером стирала, утром гладила. Но даже в этом одном платье в нее влюбился Володька Сидоров из политехнического института. Они познакомились на танцплощадке.

Прежде чем пригласить Марину, Володька заслал к ней своего друга Бориса — спросить: пойдет ли она с ним танцевать?

Борис — высокий красавец, подошел к Марине, у нее сердце всколыхнулось. Она готова была упасть в его руки. А оказывается, Борис просто спросил: пойдет ли она танцевать с его другом?

— А где он? — разочарованно спросила Марина.

Володька приблизился — коротенький, широкоплечий, как краб. Не Борис, конечно. Но и не урод. Почему бы не потанцевать? Мог бы и сам подойти.

На другой день они отправились в кино. Володька в темноте взял ее руку. Марина хотела в туалет по малой нужде, но выйти среди сеанса было неудобно. Она терпела, мучилась, и Володькина нежность не производила должного впечатления.

После сеанса отправились в парк. Володька прислонил Марину к дереву и, нажимая на ее тонкий девичий стан, стал впечатывать свои губы в ее губы.

Современная девушка сказала бы запросто: отойди на пять шагов и отвернись. И через десять секунд жизнь приобрела бы совсем другие краски. Но девушки пятидесятых годов — это другое дело. Мальчик не должен знать, что в девушке скапливается моча, — это стыдно. Они вообще Дюймовочки, рожденные в цветке.

Короче говоря, Марина описалась в тот самый момент, когда Володька ее целовал. Было темно, ничего не видно, только слышен шум падающей струи.

Володька повертел головой на короткой шее и спросил:

— Что это?

Марина тоже повертела головой, как бы прислушиваясь, и спросила:

— А где это?

Потом она быстро увела Володьку от этого дерева к другому и целовалась с другим настроением, полностью участвуя в поцелуе, изнывая от томления. Единственное — тормозила его руки, когда они соскальзывали ниже талии.

Вечером опять пришлось стирать платье. Володька ничего не заметил в тот раз. А если бы даже и заметил — легко простил. Его ничто не могло свернуть с пути познания Марины, ее тепла, ее запаха и тайных тропинок. Он хотел познавать — дальше и глубже, и долго. Всегда.

Они поженились.

Мать рассказывала соседям: как ни придешь, всегда лежат. И это правда.

Через девять месяцев у них родился ребенок. Мальчик. Хорошенький, со светлыми кудряшками, как Ленин в детстве.

У Марины — сессия, ребенок — в яслях. Придешь забирать — он мокрый по горло, простуженный, недокормленный. Голова идет кругом: не знаешь, за что хвататься — за пеленки или за конспекты? В зеркале Марина натыкалась на свое серое лицо с синяками под глазами. Хотелось лечь и ни о чем не думать, заснуть летаргическим сном. Володька не помогал, у него одно на уме. Марина подчинялась с обреченностью овцы, но, даже занимаясь любовью, думала о том, где взять денег, что сварить на завтра, как сдать экзамен.

Принято считать, что материнство — счастье. Счастье — когда есть деньги, есть помощники. Когда есть все, и ребенок — ко всему.

А когда нет ничего, сплошные нагрузки, то ты уже не человек, а лошадь под дождем.

Прошло десять лет.

Володька после института работал на заводе маленьким начальником. Шум, грохот, пьяные работяги. Трезвыми они бывали до обеда, то есть до двенадцати часов. А после двенадцати — святое дело. И Володька с ними. Но меру знал. Его уважали.

На работе Володьке нравилось. Он вообще любил работать. Ему было интересно в процессе. Конечная цель определена, и каждый день — продвижение к цели.

А дома — скучно. Марина вечно чем-то недовольна, вечно ей мало денег. Сын постоянно что-то требует: то катай его на спине, то учи уроки, то играй в прятки. А Володька устал. Какие прятки... Он предпочитал лечь на диван и уснуть.

Он так и поступал. Газету на лицо — и на погружение.

Появлялась Марина и начинала дергать вопросами, как рыбу за крючок. Володька всплывал из своего погружения, разлеплял глаза. Ну не может он приносить больше, чем ему платит государство. Не может он идти в гости, ему там скучно. Он может работать и спать. Да. Такой у него организм.

Противоречия со временем не рассасываются, а усугубляются. Марина в знак протеста игнорировала супружеские обязанности, отказывала в жизненно необходимом. И все кончилось тем, что у Володьки появилась любовница — армянка. Марине передали: с волосатыми ногами. Раньше он приходил домой, ел и спал. А теперь — приходил, ел и уходил. Спал у армянки.

Начались скандалы на новую тему. Раньше было две темы, теперь стало три.

Марина решила гнать неверного мужа из дома, но мать сказала:

— Ты что, сошла с ума? Кто же отдает родного мужа в чужие руки?

Марина задумалась. Ей стало обидно, что Володька — ее, и только ее, — вдруг нашел другие ноги, глаза, не говоря об остальном.

Марина работала в школе, в младших классах. Проверка тетрадей съедала все свободное время.

В учительской активно обсуждали ее семейную ситуацию. Марина поделилась с подругой, географичкой, а то, что знают двое, — знает свинья. В песне поется: «Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят...»

У Марины было чувство, что она голая стоит посреди учительской, а все ходят вокруг нее кругами и рассматривают с пристрастием. Было стыдно, холодно и одиноко.

Большинство коллектива держало сторону Марины: самостоятельная, в порочащих связях не замечена, прекрасный специалист. Дисциплина в классах — как в армии, учебный процесс обеспечен. И закон на ее стороне: штамп в паспорте, ребенок. Семья. А армянка — кто такая?

Но были и сторонники армянки. Говорили, что, как всякая восточная женщина, армянка беспрекословно подчиняется мужчине, не задает лишних вопросов, не критикует, упаси бог. Только вкусно готовит и подчиняется. Ну и отдается с большим энтузиазмом. Всю душу вкладывает. И опять же — южный темперамент. Ну и глаза — большие и бархатные. У всех южных людей большие и красивые глаза. Вырисовывался привлекательный образ: красивая, кроткая, покорная, темпераментная... Володьку можно понять.

Марина пригорюнилась. Что делать?

Укреплять семью, дружно посоветовали в учительской. Родить второго ребенка. Ребенок привяжет. И опять же алименты. На двоих детей — тридцать три процента. Зачем армянке алиментщик? Армяне умеют считать деньги. А если родится девочка, Володька вообще никуда не денется. Отцы любят девочек как ненормальные.

Сказано — сделано. Марина изловчилась и зачала ребенка. А через девять месяцев родилась девочка. Назвали Снежана. Имя — нежное, нерусское. Марина предпочитала все нерусское, это называлось «преклонение перед Западом». Хотя скоро выяснилось, что Снежана — болгарское имя. Курица — не птица, Болгария — не заграница. Лучше бы назвали Мария, международный стандарт. Но Снежана осталась Снежаной, сокращенно — Снежка. Это имя ей очень шло.

Володька ходил задумчивый, но образа жизни не поменял. После работы приходил домой, ел и уходил. А основная его жизнь протекала у армянки.

— Хочешь, я его изобью? — спросил Павел, старший брат Марины.

— Не знаю, — задумчиво ответила Марина.

Она действительно не знала, что делать. С одной стороны, ей хотелось избить и даже убить Володьку, чтобы не достался никому. А с другой стороны, он был ей дорог именно сейчас, когда ускользал из рук. Марина вдруг увидела в нем массу достоинств: немногословный, честный, трудяга, а главное — мужик. Мужская сила — в глазах, в развороте плеч и в верности, как это ни странно. Он больше десяти лет был верен Марине, теперь до конца дней — той. Видимо, одной женщины маловато для мужского века.

Павел избил Володьку без разрешения. По собственной инициативе. Так он защищал честь сестры. Не один, а с товарищем. Они метелили Володьку, пока он не упал. А когда упал — дали пару раз ботинком в морду. От души. Володька вернулся домой, выплюнул зубы, собрал вещи. И уехал из города. Вместе с армянкой. Боялся, что и ее побьют.

Марина отчитала Павла. Он сорвал всю схему. Девочка бы росла, Володька бы привыкал и, возможно, оторвался от армянки. А если не оторвался, жил бы на два дома. Все лучше, чем ничего. А что теперь? Тридцать два года, двое детей. Кому нужна? Кому нужны чужие дети...

Надо было выживать. Но как?

Марина отдала девочку в ясли, и сама в ясли — работать. Пришлось уйти из школы. В яслях обе сыты, дочка присмотрена. И еще домой прихватывала из столовой: кастрюльку супа, сверху — кастрюльку котлет с лапшой, в банку — компот из сухофруктов. Получалось полноценное питание для сына Саши — белки, витамины. Жить можно, с голоду не помрешь. И на одежду хватало: зарплата плюс Володькины алименты. Были сыты, одеты и даже принаряжены. На праздниках Снежана смотрелась лучше всех, в бархатном зеленом платье и лаковых туфельках.

Но не хлебом единым жив человек. Особенно в молодые годы.

Директор детского сада подкатывался к Марине, но у него из рта воняло горохом. Говорят, нелюбимые плохо пахнут. А любимые — благоухают. Взаимное тяготение скрыто в запахах. Как у собак. Просто люди об этом не догадываются.

Марина не могла целоваться с директором. Ее мутило.

Потом возник вдовец. Познакомились в очереди за картошкой. Вдовец с ребенком — мальчик, Сашин ровесник. Не старый, летそろрока пяти. Приличный. Марина стала присматриваться: жилплощадь, зарплата... Но однажды вдовец произнес такую фразу:

— Ты своего сына отдай матери. А Снежана пусть останется с нами. У нас будет двое детей — твоя девочка и мой сын. Поровну.

Когда смысл сказанного дошел до Марины, а дошел он быстро, в течение минуты, вдовец перестал существовать. То есть физически он еще стоял посреди комнаты, но для того, чтобы дойти до порога, одеться и выйти за дверь, ему понадобилось три минуты. После чего он исчез из ее жизни и из ее памяти.

Саше к тому времени было двенадцать лет. Длинненький, с крупными коленками на тонких ногах, как олененок. Он везде ходил следом за матерью, носил тяжелые сумки, помогал, как настоящий мужчина. Марина советовалась с Сашей по части прически и макияжа. И он давал совет типа: «Не крась губы фиолетовой помадой, ты в ней как утопленница...» Марина стирала с губ модный в те времена фиолетовый цвет, заменяла на нежно-розовый. И действительно становилась моложе и естественнее.

Марина любила сына до судорог, хотя видела его недостатки: ленивый, безынициативный... Но при чем здесь достоинства и недостатки, когда речь идет о собственных детях. Недостатки Марина тут же превращала в достоинства. Ленивый, но зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности.

Когда за вдовцом хлопнула дверь, Марина заплакала. Но слезы были светлые и крепкие. Она поняла, что ей ничего не светит по части любви и надо жить ради детей и ставить их на крыло.

Снежана пошла в первый класс, и Марина вернулась в школу. Снежана училась хорошо, хватала на лету. Было ясно, что девочка неординарная. И другие замечали.

Марина уже ничего не ждала для себя лично, и в этот момент судьба сделала ей царский подарок. Этот подарок назывался Рус-там.

Сначала Марина услышала его голос.

Она сидела дома, проверяла тетради, когда зазвонил телефон. Марина сняла трубку и отозвалась:

— Алё!..

— Попросите, пожалуйста, Джамала, — сказал приятный мужской голос.

— Вы не туда попали, — вежливо ответила Марина и положила трубку.

Сосредоточилась на проверке тетрадей, но снова зазвонил звонок и тот же голос попросил:

— Позовите, пожалуйста, Джамала...

— Я вам уже сказала: вы не туда попали. — Марина положила трубку.

Прошло пять секунд. Звонок.

— Нет тут никаких Джамалов, — с легким раздражением отчитала Марина. — Вы какой номер набираете?

Приятный мужской голос проговорил нужный ему номер.

— Ну вот так и набирайте, — велела Марина.

— Извините, — отозвался приятный баритон.

Марина положила трубку, но уже не могла сосредоточиться на работе. Ей казалось, он снова позвонит. И он позвонил.

— Алё! — гавкнула Марина.

В трубке молчали. Несчастный обладатель баритона уже не решился позвать Джамала.

— Это вы? — проверила Марина.

— Это я, — честно отозвался баритон.

— На телефонной станции неправильно соединяют, — предположила Марина.

— А что же делать?

— Дайте мне телефон вашего Джамала, я его наберу и скажу, чтобы он вам позвонил. Как вас зовут?

— Рустам.
— Он вас знает?
— Ну да. Я его родной брат.
— Хорошо. Я скажу, чтобы Джамал вам позвонил. Какой телефон?

— Мой?
— Да нет. Зачем мне ваш? Джамала телефон.

Рустам продиктовал. Марина записала и положила трубку.

Далее она набрала нужные цифры. Подошел голос, как две капли воды похожий на предыдущий. Значит, Рустам и Джамал — действительно братья.

— Позвоните, пожалуйста, моему брату Рустаму, — официально проговорила Марина. — Он не может до вас дозвониться.

— А вы кто? — спросил Джамал.

— Телефонистка.

Марина положила трубку. Сосредоточилась на работе. Она проверила четыре тетради, когда снова раздался звонок.

— Большое спасибо, — сказал Рустам. — Все в порядке.

— Ну хорошо...

— А как вас зовут? — спросил вдруг Рустам.

— А зачем вам? — не поняла Марина.

— Ну... Я к вам привык. У вас такой красивый голос.

Марина усмехнулась.

— А давайте увидимся, в кино ходим, — предложил Рустам.

— А как вы меня узнаете?

— А вы возьмите в руки газету.

Баритон был не опасный и очень нежный. А в самом деле, почему бы и не сходить в кино...

— А сколько вам лет? — спросила Марина.

— Двадцать шесть. Много.

Марина огорчилась. Ей было тридцать два. На шесть лет старше.

Но в конце концов не замуж же выходить. А в кино можно сбегать и с разницей в шесть лет.

— Значит, так, — распорядилась Марина. — На мне будет белый шарфик в черный горох. Если я вам не понравлюсь, пройдите мимо.

— Вы мне уже нравитесь, — простодушно сознался Рустам.

Молодой наивный мальчик. Это тебе не вдовец с копотью жизненного опыта.

Марина оставила Снежку на Сашу. Показала, чем кормить и во сколько. А сама нарядилась, надушилась духами «Белая сирень» и отправилась к кинотеатру.

Марина стояла полчаса и поняла, что Рустам не придет. Вернее, он был, но прошел мимо. Зачем ему нужна русская тетка с двумя детьми... Про детей он, конечно, не знал, но узнал бы. Марина вздохнула и пошла к автобусной остановке, чтобы вернуться домой. Она уже сделала десять шагов, когда перед ней внезапно, как из-под земли, возник Омар Шариф в натуральную величину. Белые зубы, белая рубаша, русая голова. Русский азербайджанец. Такое тоже бывает. Он схватил Марину за руку и сказал, задышавшись:

— Меня Джамал задержал. Приехал в последнюю минуту.

— А вы бы сказали, что спешите...

— Не могу. Старший брат.

Значит, брата нельзя напрягать, а Марину можно. Мусульманская семейная клановость имела свои достоинства и недостатки, как два конца одной палки.

Марине стало ясно, что эта встреча ничего не даст. Рустам — законченный красавец. Зачем она ему? Даже смешно. Жаль? Ничуть. Она ничего не приобретала, но и не теряла. Еще не вечер, и жизнь впереди. Не этот, так другой. А можно — ни того ни другого. Мужчины нужны для продолжения рода. А дети — уже есть. Программа выполнена.

— На журнал опоздали, — сказал Рустам. — Но ничего...

Он взял Марину за руку, будто знал давно, и они побежали. И белый шарфик в черный горох развевался на ветру.

Журнал уже шел, но их пустили. Они прошли на свои места и сели рядом.

Зерно сыпалось в закрома страны, узбеки собирали хлопок, и он тоже сыпался, как вата. Марина преувеличенно напряженно смотрела на экран, а Рустам — она это видела боковым зрением — смотрел на нее. Присматривался. Примеривался.

Рустам был хороший мальчик из хорошей азербайджанской семьи. Его мать — актриса ведущего бакинского театра — хотела для него хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи, не актрису, не дай бог... Такая девочка все не находилась. Непростое это дело — правильно выбрать подругу жизни, мать будущих детей.

Рустам в темном зале обсматривал русскую молодую женщину, и она нравилась ему все больше. Во всем мягкость: в овале лица, в льняных волосах, во взгляде голубых глаз. У азербайджанских девушек не бывает такой голубизны и такой льняной мягкости.

Когда фильм кончился, Рустам был влюблен окончательно и готов к любой аванюре.

Авантюра затянулась на долгие годы.

«Какое счастье, что Володька меня бросил, — думала Марина. — Иначе я не узнала бы, что бывает такое...»

Рустам работал в правоохранительных органах, в чине капитана. Его отец и брат тоже трудились на этой ниве. Отец — генерал, Джамал — полковник. Может быть, они сами себе давали звания...

Рустам приходил на работу, окидывал взором стены кабинета и звонил Марине в школу. Она уже ждала его звонка и сдерживала трубку.

— Позовите, пожалуйста, Джамала... — произносил Рустам.

Марина радостно хохотала, звенела как колокольчик. Рустам слушал ее счастливый звон, в нем все резонировало и отзывалось. Рустам шептал Марине в ухо такие вещи, о которых принято молчать. Марина в ужасе шила глазами по сторонам — не слышит ли кто? Нет. Никто не слышал и даже не догадывался.

Марина обмирала от слов. Пульс начинал стучать в самых неожиданных местах — в горле, например, в губах и много ниже.

— Спасибо. Вы очень любезны, — сухо проговаривала Марина, чтобы ввести учительскую в заблуждение. Пусть думают, что она разговаривает по делу. Но любовь — разве это не дело? Это самое главное из всех дел, какие существуют в жизни человека.

Звенел звонок. Марина брала журнал и шла на урок. Она двигалась как лунатик, глядя в никуда и туманно улыбаясь.

Рустам хватал плащ, выбегал на улицу, запрыгивал в троллейбус. Через двадцать минут он оказывался возле школы. Садился на скамейку и поднимал лицо, наводил взгляд на уровень второго этажа.

Марина подходила к окну. Видела Рустама и наводила свой взгляд на уровень его глаз. Их взгляды пересекались, и по ним текло электричество большой мощности. И если в это электрическое поле попадал комар или жук — падал замертво.

Марина не могла вести урок. А выйти из класса она тоже не могла. Директору бы это не понравилось. Марина давала невинным детям самостоятельную работу, например нарисовать птицу. Или — написать сочинение: как я провел лето. И снова возвращалась к окну. И замирала. И жуки падали замертво, попадая в силовое поле их любви.

Вечерами Рустам учил со Снежаной уроки, играл с Сашей в шахматы. Он был практически мужем и отцом. Дети его любили, особенно Снежка. Она не помнила родного отца. Это место в ее душе занял Рустам. Многие говорили, что они похожи: Снежка и Рустам. И действительно, что-то было.

Иногда ходили в гости. Но это был круг Марины. В свой круг Рустам ее не вводил. Марина имела статус любовницы, а в Азербайджане этот статус не престижен, мягко говоря. Но что они понимают? Ни у кого и никогда не было такой близости. Марина и Рустам вместе ели, вместе спали, вместе думали. И не было такой силы, которая могла бы их растащить по разным пространствам.

Умер Павел — старший брат Марины. Тот самый, который избил Володьку. Болезнь называлась длинно и мудрено: лимфогранулематоз. Заболевание крови. И от чего это бывает?

Марина пошла в больницу брать справку, удостоверяющую смерть. Ей выдали его вещички: пиджак, брючата и часы. Часы еще шли. Марина заплакала. Рустам стоял рядом и страдал. Павла он не знал, но горе любимой видел впервые, и его сердце рвалось на части.

Потом они шли по больничному парку. Рустам вдруг остановился посреди дорожки и стал страстно целовать ее лицо, глаза, рот. Это противоречило мусульманской морали: целоваться среди бела дня при всем честном народе. Это не Франция. Но Рустам игнорировал мораль. Марина отвечала ему так же истово. Казалось бы, горе должно отодвинуть неуместную страсть. Но ничего подобного. Марина топила свое горе в любви, от этого любовь становилась выше, полноводнее, как уровень воды в водоеме, если туда погрузить что-то объемное.

А может быть, горе выбрасывает в кровь адреналин, а счастье — расщепляет и выводит из организма. И человек лечится любовью интуитивно.

Но скорее всего: счастье и горе — два конца одной палки. И составляют единое целое.

У любви есть одно неприятное осложнение: аборт. Предотвратить их было невозможно. Марина не хотела и не могла думать о последствиях, когда попадала в объятия столь желанные. Все остальное меркло в лучах нежности и страсти. Природа мстила за разгильдяйство. У природы свои законы.

К абортам Марина относилась легко, гораздо легче Рустама. Провожая любимую женщину в абортарий, он мотал головой, как ужаленный конь.

— Оставишь ты меня без потомства, — упрекал Рустам. Он хотел ребенка, но предложения не делал. Он хотел оставить все так, как есть, плюс еще один ребенок, сын. Фархадик, например.

Однажды Марина задумалась: а почему нет? Пусть будет Фархадик, где два ребенка, там и три.

Марина тянула с очередным абортom. Жалко было убивать плод любви. Она поехала к матери — посоветоваться. Мать жила в поселке под Баку. Марина ехала на электричке и все больше приближалась к решению оставить ребенка. Укреплялась в этой мысли и уже любила маленького.

— И не думай, — жестко отбрила мать. — Зачем плодить безотцовщину? Мало тебе двоих?

— Я его люблю, — тихо сказала Марина.

— И что с того? Азербайджанцы женятся только на своих. У них вера. А с русскими они просто гуляют. С азербайджанками не погуляешь. Там надо сразу жениться. А русские для них — джуляб...

Что такое «джуляб», Марина хорошо знала.

Мать была груба, как всегда. Наверное, она страдала за свою дочь, и это страдание вылезало наружу такой вот бурой пеной.

— Я пойду, — сказала Марина, поднимаясь. — У тебя капуста воняет. Меня тошнит.

Ее действительно тошнило от всего. И от родной матери в том числе.

Марина возвращалась домой и думала о том, что ее мать, к сожалению, не познала женского счастья и не имеет о нем представления. Для нее любовь — это штамп в паспорте и совместное проживание. А что там за проживание? Бездуховный труд, взаимное раздражение и водка как выход из постоянного негатива. Расслабление. Или, как сейчас говорят, релаксация. Народ самоизлечивается водкой и от нее же вырождается.

Женщины крепче и выносливее мужчин. Мать не пьет, терпит эту жизнь. Но она даже не знает, бедная, как пахнет любимый мужчина.

У Рустама несколько запахов: его дыхание — земляника, подмышки — смородиновый лист, живот — сухое вино. Рустам пахнет всеми ароматами земли, чисто и трогательно, как грудной ребенок. И она готова его вдыхать, облизывать горячим языком, как волчица, и так же защищать.

Володька был эгоистичен в любви. Думал только о себе, как солист. Один и главный, и все должны под него подстраиваться. Рустам — совсем другое дело. Он приглашал в дуэт. Он и Она. Оба старались не взять, а дать счастье. И были счастливы счастьем другого.

О! Как она любила этого человека. Ей нравилось, как он ест: жует и глотает. Как он спит — мирно дышит, и живот ходит под ее ру-

кой. Ей нравилось слушать его речь, хотя это была речь непродвинутого человека. Книжек он не читал. А зачем? Зачем нужны чужие мысли? И зачем разбираться в музыке, когда можно просто петь? А картины существуют только для того, чтобы вешать их на стену. Смотреть — не обязательно.

Его главная реализация — любовь. Вот тут он был великим человеком. Исторгать большое чувство и принять большое чувство — это тоже талант.

Для Марины существовали три ценности: дети, хозяйство и Рустам. Она хорошо готовила, умела и любила колдовать над кастрюлями. Женщина. Ее мать готовила плохо. Детей полулюбила. То есть любила, но ничего для них не делала. Любовь к мужчине для нее — грязь. Спрашивается, зачем живет человек?

И все же после разговора с матерью Марина пошла и сделала аборт. Одним больше, одним меньше.

Рустам тряс головой, вопрошал:

— Как ты можешь убивать в себе человека?

Марина не отвечала. Она могла бы сказать: «Женись, тогда и требуй». Но это — грубо. Если бы Рустам хотел на ней жениться, так она бы знала. А если не делает предложения — значит, не хочет. И разговаривать на эту тему опасно. Можно договориться до разрыва. Остаться с правдой, но без Рустама. Лучше жить в неведение счастливом.

Единственное, что позволяла себе Марина, — это вопрос:

— Ты меня не бросишь?

Он прижимал к сердцу обе руки и тарашил глаза:

— Я тебя никогда не брошу... Мы всегда будем вместе. До смерти.

И она успокаивалась. До смерти далеко. И в каждом дне — Рустам.

Дни действительно бежали один за другим.

Саше исполнилось восемнадцать лет. Его забрали в армию, увезли куда-то. Поселили в казарме.

Через полгода Саша сбежал. Сел на поезд и добрался до Баку. Появился на пороге. Марина все поняла и обомлела. Ноги стали ватные. Побег из армии — это статья. Это тюрьма. А что делает тюрьма с восемнадцатилетним мальчиком — можно догадаться.

Марина кинулась к Рустаму. Рустам — к отцу-генералу. Генерал позвонил куда надо. Саша вернулся обратно. В части сделали вид, что не заметили его отсутствия. Вроде болел, а теперь выздоровел.

Через три месяца потребовался еще один звонок, и Сашу перевели служить под Баку. Он околачивался в военном санатории, подметал дорожки, таскал трубы и кирпичи. Батрачил. На выходные уходил домой. А потом постепенно стал ночевать дома. Все были спокойны. Благодаря кому? Рустаму.

Денег в семейный бюджет Рустам не вносил. Его зарплаты едва хватало на карманные расходы. Но у него в районе жили близкие родственники, и раз в месяц Рустам привозил полную машину небывалых по качеству и количеству продуктов: домашнее вино, битые индюки и поросята, фрукты, зевающие, еще живые, осетры.

Рустам сваливал это все на стол, получался натюрморт такой красоты, что даже жалко есть. Рустам в такие минуты чувствовал себя не нахлебником, а настоящим мужчиной — добытчиком и кормильцем.

Снежана задумчиво смотрела на усопшие мордочки свинячьих детей, на бледную шею индюка — поверженной жар-птицы, и в ее неокрепшей голове всплывали мысли о жестокости. Видимо, жестокость заложена в схему жизни как ее составляющая.

На выходные уезжали к морю: Марина, Рустам и Снежана.

Каспийское море в те времена было чистым, целебным. Рустам заплывал далеко, даже страшно. Снежана в купальничке строила крепость из мокрого песка. Марина и тут хлопотала: чистила овощи, раскладывала на салфеточках. Горячее в термосе, у нее специальный термос с широким горлом, для первого и второго.

Рустам возвращался — холодный, голодный и соскучившийся. Прижимался волосатой грудью к ее горячему телу, нагретому солнцем. Целовал лицо в крупинках песка. Счастье — вот оно! Вот как выглядит счастье: он и она на пустынном берегу...

А мама Рустама все искала хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи. И нашла. Девочке было двадцать лет. Ее звали Ирада.

Рустаму имя понравилось. И девочка тоже понравилась: скромная, даже немножко запуганная. Ему было ее жалко. Рустам вообще был добрым человеком. Формы Ирады созрели и налились, у нее была большая грудь и роскошные округлые бедра, но женственность еще не проснулась в ней. Она смотрела на Рустама, как на диковинную рыбу в аквариуме, — с интересом, но отчужденно.

Ираде — двадцать, Рустаму — тридцать шесть, Марине — сорок два. В сорок два уже не рожают. А в двадцать рожают — и не один раз, а сколько угодно. Это обстоятельство решило дело. Рустам хо-

тел детей. Он уже созрел для отцовства, а Марина упустила все сроки. Марина не захотела рисковать. А кто не рискует, тот не выигрывает.

Мать Рустама страстно хотела внуков, и Рустам должен был удовлетворять ее желание. Желание матери в мусульманском мире — закон.

Все кончилось загсом. И скромной свадьбой. И после свадьбы — постелью. Близость с Ирадой, конечно же, получилась. Но не дуэт. Не Моцарт. Так... собачий вальс.

Рустам заснул и плакал во сне. Утром мать спросила:

— Ты ей сказал? — Она сделала ударение на слове «ей». Она никогда не называла Марину по имени.

— Нет, — хмуро ответил Рустам.

— Пойди и скажи, — твердо приказала мать. — Она все равно узнает. Пусть она узнает от тебя.

Рустам сел на троллейбус и поехал к школе. Он хотел приготовить слова, но слова не подбирались. Рустам решил, что сориентируется на месте. Какие-то слова придут сами. Она может сказать: «С русскими вы гуляете, а женитесь на своих». И это будет правда, но не вся правда. А значит, ложь. Он скажет Марине, что это ложь. А она ответит: «Ты женился на девушке, которую знал десять дней. А меня ты знал десять лет. И ты обещал, что не бросишь до смерти...»

Рустам подошел к школе, но не решился войти в помещение. Это была территория Марины, и он не рисковал. Ему казалось, что здесь ему подадут ногой под зад и он вылетит головой вперед.

Вышел учитель физкультуры Гейдар. Они были знакомы.

— Привет! — поздоровался Рустам.

— Салям, — отозвался Гейдар. — Тебе Марину? У нее дополнительные занятия.

— Позови, а? — попросил Рустам.

Гейдар скрылся за дверью и скоро появился.

— Идет, — сказал он и побежал на спортивную площадку. Там уже носились старшеклассники, как молодые звери.

Если бы Рустам читал стихи, ему бы вспомнились строчки одной замечательной поэтессы: «О, сколько молодятины кругом...» Но Рустам не думал о стихах. Он принес Марине плохую весть. В старину такие люди назывались горевестники и им рубили головы, хотя горевестники ни в чем не виноваты. Они — только переносчики информации. А Рустам — виноват, значит, ему надо два раза рубить голову: и как виновнику, и как горевестнику.

Марина появилась на широком школьном крыльце, кутаясь в серый оренбургский платок. Было начало марта, ветер задувал серди-